УДК 1:3

ИНСТИТУТ И ИНСТРУМЕНТ. ГЛОБАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЁЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Подопригора Александр Васильевич,
Научно-образовательный центр Института экономики Уральского отделения Российской академии наук и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация
В статье рассматриваются дискутируемые в российском научном и экспертном сообществе эвристические модели инструментального подхода к управлению социальными и политическими процессами в рамках глобального информационного общества в условиях фундаментальной неопределенности; роль политических элит, когнитивных технологий и институциональной среды в саморазвитии социума. В рамках синергетической парадигмы предлагается концепция информации как изоморфного разным классам систем алгоритма работы с неопределенностью, регулирующего энтропию системы, обеспечивая ее упорядочение и сценарное развитие. Обосновывается тезис о том, что ключевым механизмом самоорганизации общества как открытой динамической системы является сеть социальных и политических институтов, определяющая в процессе разнообразных коммуникаций эффективность контура обратной связи социальной системы, сбор и обработку данных, генерацию адекватных вызовов политических решений.

Ключевые понятия:
информация,
неопределенность,
глобализация,
коммуникация,
динамическая система,
управление,
элита,
нооскоп,
мировоззренческая парадигма,
социальный институт,
интерпретация Эверетта.

Назначение летом 2016 года А. Вайно, одного из авторов публикаций в научных журналах РФ о «нооскопе» («приборе, состоящем из сети пространственных сканеров, предназначенных для получения и регистрации изменений в биосфере и деятельности человека», который «позволяет их учесть, поставить на бухгалтерский баланс и капитализировать будущее» [4, с. 57]), руководителем Администрации Президента РФ, вызвало общественную дискуссию о мировоззренческих парадигмах нового поколения высокопоставленных «политических менеджеров» России, их представлениях о сценариях и техниках развития страны в условиях глобального информационного общества.

Политический резонанс предопределил характер дискуссии, в которой со стороны части экспертного и научного сообщества звучали замечания об эклектичности и «ненаучности» подходов авторов модели «нооскопа» как некоего универсального, нечетко описанного когнитивного инструмента, с помощью которого элита («superкласс» в терминологии А. Вайно) «находит оптимальные решения с помощью игры и масштабирует их затем на социальные и бизнес-процессы» [4, с. 49]. Ряд подобных замечаний можно принять, однако в целом они игнорируют эвристический характер предложенной модели[1], сформированный в парадигме постнеклассической науки и синергетических подходов. Такие подходы и модели доказали за последние десятилетия свою плодотворность во многих отраслях знаний и трудно отказать им в праве на существование в сфере политической науки и социальной философии.

В данной работе нас интересует не столько сам «нооскоп», сколько социально-философские основания авторов концепции – картина мира, позволяющая ставить вопрос о принципиальной возможности управления элитами современными социальными процессами при помощи конструируемых ими инструментов «когнитивной индустрии», поскольку подобные «кибернетические» представления о власти и обществе предполагают значительный рост роли «игроков во власть» и прямую зависимость социума от их понимания «сущности жизни» [5, с. 9]. Обнаруженные здесь «белые нитки» позволят более четко

[1] «Представленные материалы являются рабочей тетрадью своих идей и чужих мыслей, местами крепко сшитой, а местами «шитой белыми нитками», поиска, через призму игры, понимания сущности НООСКОПА – прибора для получения и регистрации изменений в биосфере и в деятельности человечества. Где «белые нитки» в рабочей тетради проявит только время», – говорят авторы в другом месте [5, с. 1].

выделить как возможности предложенной методологии социального моделирования и регулирования, так и выявить ключевые моменты, определяющие риски ее апробации, предложив иной формат развития дискурса.

Философские основы «теории «нооскопа» были сформулированы А. Вайно и его коллегами – А. Кобяковым (на момент публикации – заместителем руководителя управления Администрации Президента РФ по внешней политике) и В. Сараевым, несколько ранее в статье «Глобальная неопределенность» [6] и присутствуют в практически неизменном виде во всех последующих публикациях.

Авторы, опираясь на идеи широкого круга мыслителей и общественных деятелей (от Декарта, Гейзенберга и Геделя до Хакена, де Сото и Сороса), отталкиваются от фундаментального фактора, вышедшего в конце прошлого века на передний план современного научного миропонимания и обоснованного в последние десятилетия на стыке достижений квантовой механики, биологии, кибернетики, социальной философии и философии информации, – *глобальной неопределенности.* Именно в проблеме адаптации фундаментальной неопределенности бытия к вполне определенным потребностям социальной жизни лежит главный посыл и основания поиска авторов «теории нооскопа»; здесь же обнаруживаются главные противоречия содержания и методологии их мировоззренческой рефлексии.

Обобщая выводы Гейзенберга и Геделя, Вайно заключает: «нет никаких способов доказать, т.е. обосновать логически, что столь привычный нам окружающий мир, знакомый нам зрительно, на слух и на ощупь, существует реально, а не только в нашем воображении. Точно также нет абсолютно никаких способов непосредственно сравнить наши ощущения, которые суть предмет нашего субъективного мировоззрения. Вывод состоит в том, что как сенсорная, так и вся остальная система восприятия служит задаче построения в мозгу модели внешнего мира, и эта модель часто похожа на комбинацию глобуса с политической картой мира: изображенные на нем пространственные отношения кардинально отличны от способа его раскраски» [6, с. 35].

Проводя аналогию между временем, и пространством, и мышлением, и действительностью, авторы признают, что если «под действительностью понимается все, что существует или происходит на самом деле, а все обладающие сознанием люди, их мысли и поступки являются частью действительности», то «для установления соответствия факты и относящиеся к ним высказывания должны быть независимы друг от друга». Однако «это требование невыполнимо, так как мышление человека является частью того, о чем он думает. Мышление и действительность относятся друг к другу не как две самостоятельные сущности, а как часть и целое. В этом суть принципа человеческой неопределенности» [6, с. 37].

Выходом из этого гносеологического тупика авторам видится исторически сложившаяся в *ритуале* сложная модель «символического представления (время) определенных действий (пространство)»: «многие формы поведения с помощью ритуализации структурируются, т.е. направляются по определенным путям. Протокол в дипломатии, правила игры на рынке устанавливают рамки, на основе которых происходит взаимодействие»; в сфере «культурно-исторической ритуализации» происходит «создание свободных символов культурного сообщества, которые оно защищает точно так же, как и себя, и одновременно продавая их на рынке в виде образа жизни, брендов или продуктов. Правила поведения, ритуал, протокол проявляют внутреннюю сущность человека» [6, с. 36]. Именно на понятии «протокол» основана технология «нооскопа», который инструментально выявляет его универсальные коды применительно к конкретным сферам (обществу, рынку) и «сканирует» данные об этих сферах, давая элитам новые возможности для регулирования.

Остается, однако, не проясненным принципиальный вопрос: как согласуется фундаментальная неопределенность реального мира, его непознаваемость «изнутри»[2] с инструментальной возможностью адекватного выявления и практического использования в управлении обществом «протоколов», составляющих «внутреннюю сущность» не только человека, но и мирового процесса вообще?

«Соответствие образа реальности происходящих сложных со-Бытий обеспечивается протоколом – набором правил

[2] А.Вайно солидарен с Л.Витгенштейном в его утверждении: «Смысл мира должен пребывать за пределами мира… То, что делает существующее существенным, не может пребывать в пределах мира, потому что иначе оно все равно оказалось бы несущественным. Оно должно пребывать за пределами мира» [6, с. 38].

управления соотношениями (пропорциями) между пространством-временем-жизнью – пишут Вайно и его коллеги, – *Координацию управления реализацией во времени и в пространстве первообраза, пребывающего в вечности, осуществляет элита* (superкласс), находящая оптимальные решения с помощью игры и масштабируя их затем на социальные и бизнес-процессы» [4, с. 49].

Это, на наш взгляд, наименее проработанное звено («белая нитка») философской конструкции «нооскопа», поскольку здесь, по-видимому, предполагается, что элита, неким жреческим способом, осуществляет доступ к содержанию «первообразов» и «протоколов», структурирующих реальность, но недоступных рациональному познанию, а затем «в ручном режиме» (конструируя соответствующие когнитивные технологии, включая нооскоп) определяет и корректирует социальные процессы, управляя в соответствии с выявленными «протоколами» и полученными данными. Едва ли случайно, что, по мнению авторов, «передовыми институтами трансформации на границе трех сред – пространства, времени и жизни – являются армия и разведка» [4, с. 49].

Такую мифологему трудно назвать содержательно новой, однако примечательно в ее нынешней российской «инкарнации» то, что мы наблюдаем направление поиска представителями политического класса РФ мировоззренческого (на грани трансцендентального) оправдания и обоснования роли и функционального назначения элит в рамках синергии (или эклектики, что в данном случае не принципиально) философских и естественнонаучных дискурсов современного глобального информационного общества вне традиционных изоляционистских парадигм, попытку разрыва с архаическими идеологемами, ведущими начало от Василия Темного и старца Филофея. Возможно, кто-то увидит здесь квазипостмодернистскую упаковку этих же смыслов, но важно то, что «модель нооскопа» манифестирует интерес политиков к действительно глубокой философской проблеме, требующей разрешения в условиях тотальной «власти коммуникации» [10]: о путях, на которых возможно познание, а также управление социумом и рынком как составными частями глобального мира в условиях фундаментальной неопределенности (что уже породило ряд рискованных концепций, вроде теории «управляемого хаоса», и эвристических моделей типа «Черного лебедя» Н. Талеба).

В поисках рациональных ответов на этот вызов следует отметить, что базовым для современного понимания социально-политической системы является представление о ней как о сложной открытой динамической системе, которая формируется под влиянием внутреннего и международного окружения, и в свою очередь, формирует его [1]. Теория *социального действия* Т. Парсонса как самоорганизующейся для достижения целей выживания и адаптации модели поведения человека и социума является здесь основополагающей. Труды Д. Истона и Г. Алмонда, определившие функции, механизмы взаимодействия и развития социальных систем через алгоритмы «ввода», «конверсии» и «вывода», создали основы современной политической теории, интегрируя данные биологии, физики, социологии и методы системного анализа. Ф. Бродель, И. Валлерстайн и А. Франк расширили эту парадигму своими интерпретациями *мир – системного подхода*, сделав ее действительно всеобщей.

Эти исследователи исключительно четко указали на *межсистемное взаимодействие* как источник и движущую силу формирования и трансформаций социума и подробно описали механизм этого взаимодействия – «эффекты, переносимые через границу одной системы на некоторую другую систему, как выходы первой системы и – симметрично – входы второй. Транзакция, или обмен между системами, при этом рассматривается как взаимосвязь между ними в форме отношения «вход-выход» [8, с. 326–328].

Нетрудно заметить, что эта ставшая на сегодня «классической» в политической науке модель («ввод» – «конверсия» – «вывод», где на «входе»/вводе имеются внешние и внутренние «требования» социума и его окружения, а на «выходе»/выводе – политические решения) носит отчетливо информационный и кибернетический характер и подразумевает взаимодействие управляющих и динамических подсистем, преобразующих данные и сигналы в изменения системы [9, с. 345]. Если, приняв некоторые допущения, уподобить социальную систему «центральному процессору» компьютера, следует предположить не только наличие сформированного множества данных, но и программы *(software)* их обработки, заданных каким-то образом задач такой программы и алгоритма решений (примечательна в этом контексте концепция цивилизации Л. Мамфорда

как социальной *Мегамашины* [11, с. 84]). М. Кастельс выдвинул концепцию современного «сетевого общества», в котором «власть многомерна и создается вокруг сетей, задающих программы деятельности в каждой сфере человеческой активности» – при том, что «конструирование смыслов в качестве источника политической власти происходит через использование различных коммуникационных сетей рядом акторов и их властными сетями» [10, с. 463, 467]. Только совокупность программных целей, алгоритмов обработки данных и сети коммуникаций может служить достоверной объяснительной моделью работы социальной системы как *информационного объекта* и давать возможности ее оценки. «Если компьютер – прибор, то теория принятия решений – его хозяин», – писал Д.Белл [3, с. 44].

В этом смысле важно замечание Дж. Форрестера о том, что *«человек всегда действует на основе моделей,* имеющихся в его распоряжении. Каждый человек, который предлагает политику, закон или последовательность действий, делает это на основе модели, к которой он в данный момент питает наибольшее доверие» [18, с. 16]. «Во всех человеческих обществах люди создают ментальные модели реальности, – подчеркивает эту мысль Ф. Фукуяма. – Эти ментальные модели приписывают причинно-следственные связи, иногда даже невидимые, разным факторам, основная цель этих моделей – сделать мир более понятным, предсказуемым и управляемым» [19, с. 550].

Происхождение и устройство таких информационных моделей, которые вполне допустимо назвать *протоколами социальной коммуникации,* снижающими неопределенность (энтропию) и определяющими характер и результаты деятельности людей в рамках сообществ и цивилизаций, остается ключевой проблемой социальной философии и философии информации. На чем основаны, как формируются и работают такие информационные модели, чем определяется их появление и различия на исторической сцене? Для ответа на эти вопросы следует обратиться к базисной структуре самого процесса информации.

Мы предлагаем трактовку *информации* как изоморфного разным классам систем алгоритма работы с *неопределенностью*, определив информацию как универсальный вероятностный процесс генерации и адаптации открытой динамической системой в ходе взаимодействия (коммуникации), по характерным контурам обратной связи, с другими системами актуальных сценариев (моделей) многомерной структуры реальности, снижающий неопределенность и регулирующий энтропию системы, обеспечивая ее упорядочение, воспроизводство и развитие. Информация выступает, таким образом, не как *сообщение о реальности, но как сама наблюдаемая реальность,* процесс ее генерации через адаптацию неопределенности, логический алгоритм коммуникативного структурирования сложных систем (в эвереттической модели – формирование *соотнесенных состояний*), их самоорганизацию в наблюдаемом мире.

Если на уровне неживой природы коммуникационные негэнтропийные процессы самоорганизации носят характер отражения-адаптации, создавая сложные структуры микро- и макромира «с информационным поведением» [9, с. 346], то в живой природе появляются разнообразные сети и механизмы обратной связи (метаболизм, молекулы ДНК, афферентация, рефлексы и реакции) и «прообразы цели», а у человека «отражение превращается в информационную модель, в образ» [17, с. 43]. В живой природе формируются *опережающие отражения,* или «предвосхищения», действительности [2, с. 20–24] как основа самоорганизации через выявление и выбор оптимальных сценариев действий системы, направленных на *достижение цели:* приспособление и воспроизводство. Человек адаптирует и архивирует эти ритмические реакции, значения и «предвосхищения» посредством кодирующих механизмов сознания – памяти, языка и речи, символических действий и знаковых систем – в гигантском тезаурусе знаний, генерируя и обновляя информационные модели упорядоченной реальности, в рамках которых осуществляется «снятие» неопределенности: самоорганизация социума и социальное действие.

Этот процесс межсистемной коммуникации происходит, с одной стороны, в семиосфере, дискретном пространстве слов, знаков и текстов, с другой – в континууме коллективного бессознательного и семантики, населенном нуминозными архетипами и символами. Вместе взятые, эти сферы (К. Юнг называл их целостность «самостью») образуют информационный поток, генерирующий антропную реальность через «русла» ментальных моделей, которые связывают индивидуальное сознание с космическим порядком. Это не «отражение» существующего помимо наблюдающего сознания «объективного» мира, а

тотальная генерация реальности, в которой семантическая модель/сеть является «софтом» творения, семиозис – его интерфейсом, а технологии коммуникаций выступают как его постоянно обновляющийся *hardvare*. Информация, таким образом, генерирует через семиозис упорядоченную реальность причинно-следственного мира пространства-времени, редуцируя суперпозицию многомерного гиперпространства и семантического континуума через специфические контуры обратной связи, главными из которых являются сознание и язык. Эта реальность все в большей мере выявляется не как отношения «объектов», а как отношения отношений и обменов, переводы метафор и интерпретаций (иллюстрация – исследования в квантовой физике, где измерение трансформирует и даже создает измеряемое; к социальным исследованиям это относится еще в большей мере, ибо на постиндустриальном/информационном этапе «общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция», утверждает Д. Белл [3, с. 663]).

В рамках предлагаемой здесь концепции философии информации это соответствует интерпретации квантовой реальности Эверетта – Менского [12], где такое представление выступает как «разделение альтернатив» – выделение (выбор) сознанием (контуром обратной связи – коммуникации, присущем человеку) из континуума сосуществующих сценариев обратимой квантовой суперпозиции состояний одного, наиболее адекватно отвечающего цели системы (уменьшению энтропии, выживанию и развитию в сфере жизни), который адаптируется и необратимо *переживается* данной системой. Человеческое сознание в ходе информационного процесса генерирует «фильтрами» вероятностной («байесовской») логики из суперпозиции состояний бытия «классическую» динамическую необратимую модель наблюдаемого мира на базе категорий пространства-времени. Обозначая в процессе информационного взаимодействия со средой *мир объектов* «метками» пространства и времени, присваивая знаки-имена фрагментам структуры реальности и оперируя ими в семиозисе, индивидуальное/общественное сознание снижает неопределенность, редуцируя тотальность бытия в переживаемый сценарий реальности. Именно в такой интерпретации получает новый смысл и подтверждение классическое определение информации К. Шеннона как *«снятой неопределенности»* [20].

Содержанием философской интерпретации этой модели является то, что она снимает ключевое противоречие между принципиальной неопределенностью мира как бесконечного числа сосуществующих вне потока времени, одинаково возможных сценариев реальности (Multiverse) и определенным бытием системы, для воспроизводства и развития которой необходим лишь один необратимый сценарий. Это противоречие снимается механизмом (процессом) информации, разделяющим альтернативы и снижающим неопределенность (в соответствии с определением Шеннона и «принципом Тьюринга»), генерируя ту определенную наблюдаемую реальность, в которой система эффективно взаимодействует со средой в целях воспроизводства и развития.

Ключевую роль в построении такой модели мира-сценария человеческим сознанием играют, в качестве каналов межсистемных коммуникаций, параметры духовной и психической жизни: коллективное бессознательное и его архетипы, религиозные идеи и практики, этические ценности и нормы, мировоззренческие концепции и социальные конструкции. Будучи интегрированы сознанием в символах, образах и текстах, эти структурные элементы семантической реальности воплощают основы человеческой культуры, формируя далее сеть социальных и политических институтов.

Поскольку информация как процесс генерации реальности представлена изоморфной системам микро- и макромира, живой и неживой природы, сознания и социума логической матрицей коммуникативного взаимодействия (ее базовое воплощение, наряду с молекулами ДНК – устройство и работа *нейронов* головного мозга как сетей генерирующей коммуникации: сбора данных воздействий, их обработки и «выдачи» сигналов другим нейронам), то динамика и результаты работы последних определяется релевантностью этих систем и процессов базовой структуре негэнтропийного «бинарного кода» («бит-отношения»: 0 и 1, «да» и «нет»): выявленности множества альтернатив, эффективности коммуникаций, точности реакций целесообразного выбора, адекватности алгоритмов обработки данных, способности системы служить «проводником» информации.

Применительно к социуму это означает, что доминирующая ментальная парадигма (модель) и сформированная на ее

основе институциональная среда призваны (подобно компьютерной программе и интерфейсу) способствовать различению, обозначению и реализации стоящих перед системой множеств выбора – актуальных альтернатив. «Демократическое осуществление власти в конечном счете зависит от институциональной способности преобразовывать смысл, порожденный коммуникативным действием, в функциональную координацию действий, организованных в государстве в соответствии с принципами конституционного консенсуса», – пишет М. Кастельс [10, с. 29]. Вместе с тем государственные и иные институты и «социальные големы», как иерархически организованные проводники информации, могут осложнять социо-информационный процесс («различение – ввод – конверсия – вывод»), искажая различение среды как множества целесообразного выбора, «путая» знаки и дезорганизуя коммуникационный процесс (умножая неопределенность вместо ее снижения), определяя неадекватные решения на «выводе». Это затрудняет процессы самоорганизации, искривляет социальное пространство-время, снижает динамику социума или меняет ее направление.[3] Так образуются общества динамичные и статичные, «рушащиеся» или «застывшие» перед вызовом из-за неадекватного институционального «интерфейса». Создается эффект «информационного Зазеркалья» – социальные феномены, называющиеся и выглядящие одинаково, на деле в разных социальных «темпомирах» получают иное содержание и определяют разные последствия [15, с. 56–57].

Формирование глобального информационного общества именно в странах Западной Европы свидетельствует о том, что здесь утвердилась ментальная (мировоззренческая) модель, *структурно адекватная матрице информационного процесса.* Это – более четкое различение альтернатив, выбор целесообразных сценариев через классификацию событий и явлений; упорядочение вероятностей посредством разработки системы научных наблюдений, категорий и общественной дискуссии, развитие разнообразных коммуникаций, разрешение выявляемых противоречий через развитие моделей на базе новых данных. Начиная с классической Греции, «открывшей» природу и космос как нечто иное, не равнозначное человеку и культуре, а вместе с тем – начала логики, европейские мышление и культура двигались по «пути силлогизма» [14, с. 27, 48], поощряя индивидуальные усилия личности, самовыражение и конкуренцию, изобретательскую активность и научную рефлексию. Динамичная среда европейского социума основана на институциональном представительстве и реализации интересов различных социальных групп, далее – разделении властей, отделении церкви от государства и образования, суда – от исполнительной власти, все большей дифференциации труда и властных полномочий.

В то же время культуры и цивилизации Азии (прежде всего китайская и связанные с ней) шли по пути, кодированному информационной матрицей *«дао»* – холистического мировосприятия, акцентирования тотальной включенности человека в космос и мир, цикличности развития, абсолютизации космической гармонии и изначально установленного социального порядка – «церемоний» и согласований, а не дифференциаций и дебатов, адаптации к среде, а не контроля и изменений; приоритета семьи, коллективных интересов и государства над личностью. Результатом стали традиционный социум, этатизм, мощная бюрократия, слабое развитие конкуренции и фундаментальных научных исследований. Сегодня ситуацию меняет глобализация, формируя цивилизационный синтез, в котором глубина спонтанного мировосприятия культур Азии дополняет технологическую и научную динамику Запада; можно сказать, что ментальные модели Азии и Запада лучше восприняли и воспроизвели разные аспекты информационной матрицы: различение и тождество, теперь же происходит их глобальный синтез при сохранении культурной идентичности (не всегда успешных).

Однако генезис проблемы гораздо глубже: мы имеем здесь дело с факторами, определившими становление *человека разумного* как такового. Проточеловеческие группы выступают уникальной живой системой, драматически *осознающей себя и собственный предел* и оказывающейся перед вызовом пережить это открытие, включив смерть в сценарий жизни. Эта драма рождает базисное для человека представление о *неопределенности* бытия, которое (вкупе с проявляющимися феноменами

[3] Именно в этом смысле можно трактовать слова Гегеля о том, что «плохое государство есть *неистинное* государство», так как «плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением и понятием и существованием предмета» [7, с. 126].

бессознательного) нарушает устойчивость системы, делая категорически недостаточными инстинктивные реакции первобытных групп и выводя нелинейную систему «человек-среда» на точку бифуркации – критического выбора, рождая ее новую *сложность и упорядоченность* в качественном сдвиге контуров обратной связи.

Этот глубокий экзистенциальный кризис (предположительно, в шоковой форме *невроза*, жестко трансформирующего свойственные животному миру контуры обратной связи и открывающего новый – самосознание [13, с. 130]), рождает в качестве ответа на вызов мифологию и культ предков, одновременно создавая первые социокультурные институции – табу, ритуал, жреца и царя; развивает *язык* и знаковые системы коммуникации как средства *преодоления смерти и хаоса,* самовыражения и форматирования социальной действительности – символического, этического и технологического. Из необходимости интегрировать в целенаправленные сценарии жизни первое метафизическое разделение и первую экзистенциальную катастрофу – осознание смерти и неопределенности, рождаются первые информационные (негэнтропийные) модели – программы «распаковки смыслов»: миф и ритуал. Они генерируют упорядоченный внутренний мир человека, тесно связанный с ритмами космоса, рождают представление о *стреле времени* и формируют *социальную пирамиду* – «иерархическую структуру общества, способствующую распределению энергии и информации от вершины к основанию» [16, с. 97].

Развитая система социальных институтов, подобно сети нейронов головного мозга, становится новым контуром коммуникации общества с внешней и внутренней средой, его «сенсорными датчиками»; от ее адекватности алгоритмам информационного процесса в первую очередь зависят состояние и динамика саморазвития социума. Информационную, регулирующую (а также «страхующую» от спонтанных реакций и решений) роль сети институтов невозможно подменить ни одним самым «продвинутым» когнитивным инструментом (вспомним, что *institutum* переводится с латыни не только как «учреждение», но и как «устройство») или совершенной IT – технологией, оказавшимися в распоряжении политических элит. Инструментальные инновации власти уместны, эффективны и безопасны (в том числе для нее самой) настолько, насколько адекватны вызовам институты и коммуникации, насколько они соответствуют актуальной ментальной модели. Ибо то «как люди думают об институтах, в условиях которых они живут, и то, как они связаны с культурой и хозяйством их общества, определяет, чья власть может быть установлена и как она может быть использована» [10, с. 453].

При таком подходе не только получает эпистемологическое обоснование возможность регулирования социума в условиях фундаментальной неопределенности, но и подтверждается, что поле решающих инноваций лежит в условиях глобального информационного общества в сфере трансформации социальных институтов в целях свободного развития генерирующих реальность коммуникаций.

1. Алмонд, Г., Сравнительная политология сегодня: мировой обзор [Текст] / Г. Алмонд, Дж. Пауэл, К. Стром, Р. Далтон. М., 2002. 537 с.

2. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональной системы [Текст] / П.К. Анохин. М.: Наука, 1978. 400 с.

3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество [Текст] / Д. Белл. М.: Academia, 1999. 956 с.

4. Вайно, А.Э. Капитализация будущего [Текст] / А.Э. Вайно // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 42–57.

5. Вайно, А.Э. Образ победы [Текст] / А.Э. Вайно, А.А. Кобяков, В.Н. Сараев. М.: Институт экономических стратегий РАН, компания GLOWERS. 2012. 140 с.

6. Вайно, А.Э. Глобальная неопределенность [Текст] / А.Э. Вайно, А.А. Кобяков, В.Н. Сараев // Экономические науки. 2011. № 8. С. 33–40.

7. Гегель, Г. Наука логики [Текст] / Г. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т.1. М.: Мысль, 1974. 452 с.

8. Истон, Д. Категории системного анализа политики [Текст] / Д. Истон. Политология: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2000. С. 319-331.

9. Кадомцев, Б.Б. Динамика и информация [Текст] / Б.Б. Кадомцев. М.: Изд-во журнала «Успехи физических наук», 1997. 400 с.

10. Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] / М. Кастельс. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. 564 с.

11. Мамфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества [Текст] / Л. Мамфорд. М.: Логос, 2004. 284 с.

12. Менский, М.Б. Сознание и квантовая механика [Текст] / М.Б. Менский. Фрязино: Век 2, 2011. 320 с.

13. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории [Текст] / А.П. Назаретян. М.: Мир, 2004. 367 с.

14. Нейсбит, Р. География мысли [Текст] / Р. Нейсбит. М.: Астрель, 2011. 285 с.

15. Подопригора, А.В. Революция регионов. Россия на пороге глобальной трансформации [Текст] / А.В. Подопригора. М.: ОЛМА Медиа групп, 2006. 320 с.

16. Скоробогацкий, В.В. Социокультурный анализ власти [Текст] / В.В. Скоробогацкий. Екатеринбург: Издание УрАГС, 2002. 288 с.

17. Тюхтин, В.С. Теория отражения в свете современной науки [Текст] / В.С. Тюхтин. М.: Наука, 1971. 48 с.

18. Форрестер, Дж. Мировая динамика [Текст] / Дж. Форрестер. М – СПб.: АСТ, 2003. 379 с.

19. Фукуяма, Ф. Государственный порядок [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2015. 688 с.

20. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике [Текст] / К. Шеннон. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 827 с.

References

1. Almond G., Paujel Dzh., Strom K., Dalton R. (2002) Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor. Moscow, 537 p. [in Rus].

2. Anohin P.K. (1978) Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. Moscow, Nauka, 400 p. [in Rus].

3. Bell D. (1999) Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Moscow, Academia, 956 p. [in Rus].

4. Vajno A.Je. (2012) *Voprosy jekonomiki i prava,* no. 4, pp. 42–57 [in Rus].

5. Vajno A.Je., Kobjakov A.A., Saraev V.N. (2012) Obraz pobedy. Moscow, Institut jekonomicheskih strategij RAN, kompanija GLOWERS, 140 p. [in Rus].

6. Vajno A.Je., Kobjakov A.A., Saraev V.N. (2011) *Jekonomicheskie nauki,* no. 8, pp. 33–40 [in Rus].

7. Gegel' G. (1974) Nauka logiki. Jenciklopedija filosofskih nauk. T.1. Moscow, Mysl', 452 p. [in Rus].

8. Iston D. (2000) Kategorii sistemnogo analiza politiki. Politologija: Hrestomatija. Moscow, Gardariki, pp. 319–331 [in Rus].

9. Kadomcev B.B. (1997) Dinamika i informacija. Moscow, Izd-vo zhurnala «Uspehi fizicheskih nauk», 400 p. [in Rus].

10. Kastel's M. (2016) Vlast' kommunikacii. Moscow, Izdatel'skij dom VShJe, 564 p. [in Rus].

11. Mamford L. (2004) Mif mashiny. Tehnika i razvitie chelovechestva. Moscow, Logos, 284 p. [in Rus].

12. Menskij M.B. (2011) Soznanie i kvantovaja mehanika. Frjazino, Vek 2, 320 p. [in Rus].

13. Nazaretjan A.P. (2004) Civilizacionnye krizisy v kontekste universal'noj istorii. Moscow, Mir, 367 p. [in Rus].

14. Nejsbit R. (2011) Geografija mysli. Moscow, Astrel', 285 p. [in Rus].

15. Podoprigora A.V. (2006) Revoljucija regionov. Rossija na poroge global'noj transformacii. Moscow, OLMA Media grupp, 320 p. [in Rus].

16. Skorobogackij V.V. (2002) Sociokul'turnyj analiz vlasti. Ekaterinburg, Izdanie UrAGS, 288 p. [in Rus].

17. Tjuhtin V.S. (1971) Teorija otrazhenija v svete sovremennoj nauki. Moscow, Nauka, 48 p. [in Rus].

18. Forrester Dzh. (2003) Mirovaja dinamika. Moscow – Saint-Petersburg, AST, 379 p. [in Rus].

19. Fukujama F. (2015) Gosudarstvennyj porjadok. Moscow, AST, 688 p. [in Rus].

20. Shennon K. (1963) Raboty po teorii informacii i kibernetike. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 827 p. [in Rus].

UDC 1:3

INSTITUTION AND INSTRUMENT. GLOBAL UNCERTAINTY AND SOCIAL DYNAMICS

Podoprigora Aleksander Vasilyevich,
Scientific and educational Centre of the Institute of Economics, The Ural branch of Russian Academy of Sciences and Chelyabinsk State University,
senior research fellow,
Cand. Sc. (Political Sciences),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: agora821@gmail.com

Annotation

The article considers debated in Russian scientific and expert community heuristic models of instrumental approach to managing social and political processes in the framework of global information society in the context of fundamental uncertainty; the role of political elites, cognitive technologies and institutional environment in the society self-development. In the framework of synergetic paradigm the author suggests the conception of information as an isomorphic to different classes of the system algorithm of dealing with uncertainty regulating entropy of the system providing its sorting and scenario development.
The author proves the thesis that the key mechanism of the society self-organizing as an open dynamic system is a network of social and political institutions defining in the process of various communications effectiveness of the feedback circuit of a social system, data collecting and processing, generating adequate to challenges political decisions.

Key concepts:
information,
uncertainty,
globalization,
communication,
dynamic system,
management,
elite,
nooscope,
worldview paradigm,
social institution,
everett's interpretation.